

Политика органов государственной власти по нивелированию польского национализма в Северо-Западном крае в рамках обеспечения внутренней безопасности (60-е годы XIX века)

С. В. Ананьев

Главный центр научных исследований Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, Москва, Россия
sergey_ananyev1982@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов государственной и местной власти Северо-Западного края Российской империи по разрешению *польского вопроса*. Перечисляются меры по устранению влияния польского национализма в Северо-Западном крае, взятые в дальнейшем на вооружение царской администрацией в деле управления окраинами империи, – с целью обеспечения безопасности в регионе. В работе использованы ретроспективный, проблемно-хронологический, историко-сравнительный и другие общенаучные методы исследования.

Ключевые слова: польское восстание, национализм, польский вопрос, реформы, русификация, Северо-Западный край, генерал-губернатор, унификация

Для цитирования: Ананьев С. В. Политика органов государственной власти по нивелированию польского национализма в Северо-Западном крае в рамках обеспечения внутренней безопасности (60-е годы XIX века) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 2 (855). С. 47–54.

Original article

The Policy of the State Authorities on Levelling Polish Nationalism in the North-Western Territory as Part of Ensuring Internal Security (1960^s of the 19th Century)

Sergey V. Ananyev

Main Center for Scientific Research of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation, Moscow, Russia
sergey_ananyev1982@mail.ru

Abstract. The article examines the activities of state and local authorities of the North-West Territory of the Russian Empire to resolve the problem of the presence of the Polish question. It lists the measures to eliminate the influence of Polish nationalism in the North-West Territory, taken later by the tsarist administration in the management of the periphery of the Empire in order to ensure security in the region. The work uses retrospective, problem-chronological, historical-comparative, as well as general scientific methods of research.

Keywords: Polish uprising, nationalism, Polish question, reforms, Russification, North-Western Territory, Governor-General, unification

For citation: Ananyev, S.V. (2024). The Policy of the State Authorities on Levelling Polish Nationalism in the North-Western Territory as Part of Ensuring Internal Security (1960^s of the 19th Century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(855), 47–54.

ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматривается государственная политика по разрешению польского вопроса, возникшего на международной и внутривнутриполитической повестке Российской империи после присоединения польских территорий бывшей Речи Посполитой. Актуальность темы состоит в исследовании политических инструментов, примененных царской администрацией после подавления польского восстания 1863–1864 годов с целью дальнейшей интеграции региона в структуру государства, и тех мер, при помощи которых влияние польского национализма в Северо-Западном крае было временно устранено.

В рамках исследования политики органов государственной власти в Северо-Западном крае Российской империи, направленной на борьбу с проявлениями польского национализма, помимо использования архивных документов, привлекался следующий круг исторических источников и литературы. Мемуарная литература в исследовании отмечена как апологетами проводимой в крае царской политики (Ратч, 1867; Миловидов, 1900; Милютин, 2003; Черевин, 1920; Валуев, 1961; Ауэрбах, 1905; Бутковский, 1883), так и ее противниками (Дмowski, 1909). Исследования в царской (Батюшков, 1890) и советской (Самбук, 1980) историографии глубоко идеологизированы и использованы в работе в меньшей степени, нежели современные труды отечественных (Горизонтов, 1999; Долбилов, 2000; Комзолова, 2005; Щукин, 2006; Долбилов, 2010; Федосов, 2021) и зарубежных – белорусских (Бендин, 2008; Карпович, 2011; Подорожная, 2014), литовских (Aleksandravicius, 1996), польских (Glebocki, 2000; Vex, 2021) и немецких (Рольф, 2020) авторов, проливающих свет на отдельные аспекты царской политики определенного исторического периода в Северо-Западном крае.

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ВОПРОСА

Царское правительство, органы местной власти, армия и правоохранительные структуры на протяжении XIX века боролись с польскими восстаниями и сепаратизмом местных националистов, лозунги которых были окрашены в националистические цвета на протяжении практически полутора столетий с момента разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795) вплоть до распада Российской империи в 1917 году. Западные окраины Российского государства представляли исключительную важность для польской нации, консервативные политические круги которой грезил о возвращении

их в общественно-политическое поле вот-вот готовящейся воскреснуть Речи Посполитой.

Северо-Западный край, именовавшийся русскими чиновниками как «губернии от Польши возвращенные», или как его называли поляки «Забранный край», – земли, отошедшие к России по трем разделам Речи Посполитой, в противоположность Царству Польскому [Дмowski, 1909]. Польские политики считали земли Западной России своего рода форпостом Восточной Европы от территориальных и иных посягательств Российской империи [Ратч, 1867]. С конца XVIII века они всячески пытались оспорить у России эти территории. Такие обстоятельства способствовали формированию национальной польской мифологии, пропитанной ненавистью к русским и их государству. Польские восстания XIX века и обострившийся «польский вопрос» стали тем фоном, на котором протекала вся политика царского правительства как в Царстве Польском, так и в Северо-Западном крае Российской империи.

РАЗРАБОТКА И ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИТИКИ ПО РУСИФИКАЦИИ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ

Царское правительство чередовало политику уступок с ассимиляцией польского населения [Горизонтов, 1999]. В период правления императора Николая I, особенно после подавления польского восстания 1830–1831 годов и восстановления внутривнутриполитического спокойствия в регионе, правительство перешло к использованию праворадикальных мер, которые характеризовались методами «этнографического» воздействия на поляков: привлечением русского элемента в край, регулированием миграции и политики переселения поляков, правовой регламентацией браков и т. д.

В 1830-х годах российское правительство начинает активную разработку технологии и практики по русификации западных окраин империи. Одним из главных творцов этой политики стал гродненский губернатор М. Н. Муравьев – будущий граф Виленский, получивший данный титул за успешное подавление польского мятежа 1863–1864 годов. В своих политических записках на имя императора Николая I он представил программу поступательной русификации региона с целью его политического успокоения и недопущения дальнейших рецидивов со стороны польских сепаратистов [Четыре политические записки, 1885]. В 1830–1850-х годах все эти усилия не привели к решительному успеху, так как сильная русская культурная среда на тот момент времени еще не была создана и не могла конкурировать с господствующей польской средой. Уровень образованности и знания местных

хозяйственных условий у шляхты также оставался выше, чем у большинства российских чиновников, прибывающих на службу в край.

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ И НАЧАЛО ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Начало либеральной эпохи Александра II отразилось на царской политике в Польше и Северо-Западном крае. Начались послабления по отношению к польскому населению. До конца 1850-х годов высшие администраторы в повседневной служебной речи по-прежнему продолжали именовать эти земли «польскими губерниями» [Долбилов, 2000, с. 338]. Следует отметить, что политика в Северо-Западном крае тесно переплеталась с религией. В польской среде в XIX веке сохранилась сила «латинства», образовался своеобразный патриотизм, любовь к старой католической Польше и вера в ее возрождение [Миловидов, 1900]. Начало царствования Александра II ознаменовало период либерализации политики в Северо-Западном крае.

С февраля 1861 года в крае начались антиправительственные демонстрации и манифестации. В 1862 году получило распространение пение националистических песен и гимнов. Демонстранты часто несли с собой портреты участников польских восстаний, брошки и значки с изображением Белого орла, устраивали «кошачьи концерты» под окнами жандармерии и т. д. Чиновник Я. Н. Бутковский писал о том, что тогда ношение траура и пение гимнов в костелах производило впечатление общественных похорон, а народ не выходил на улицы в яркой одежде из-за провокаций и агрессивности манифестантов [Бутковский, 1883]. Среди поляков бытовало мнение, что именно траур определит будущие границы Польши.

В январе 1863 года, после объявления правительством проведения рекрутского набора, в Польше вспыхнуло вооруженное восстание. Оно бросило русскому правительству не только военный, но и интеллектуальный вызов. В январе 1863 года в губерниях Северо-Западного края снова было объявлено военное положение. Начались грабежи и насилие над русским населением края. Известно, что польскими карателями было убито, по разным оценкам, от 300 до 600 человек, в том числе несколько католиков и православных священников. 23 апреля Ковенский жандармский штаб-офицер И. Н. Скворцов докладывал вышестоящему начальству в Петербург: «Действия мятежников совершенно уронили законную власть. Исправники, становые приставы, судебные следователи и другие чиновники, не имея возможности выехать в уезды без военного отряда,

лишились возможности исполнять свои обязанности... Нижние же полицейские чины, из опасения быть повешенными, отказываются от службы правительству или, оставаясь на службе, исполняют распоряжения не своего начальства, а мятежников»¹.

СМЕНА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО КУРСА И ПЕРЕХОД К ЖЕСТКИМ АДМИНИСТРАТИВНЫМ МЕРАМ

Польское восстание 1863–1864 годов убедило царское правительство в том, что политика сотрудничества с местными политическими элитами западных окраин себя не оправдала и зашла в тупик [Рольф, 2020]. Ключевую роль в сложившихся условиях сыграло назначение в мае 1863 года крайне консервативного министра М. Н. Муравьева виленским генерал-губернатором края, который стал одним из главных вдохновителей борьбы с поляками. Ему официально ставилась задача по «усмирению» края, восстановлению правительственной власти в крае и приобретению доверия к ней со стороны местного населения. В сложившихся условиях наместник края получал практически неограниченные права, к которым относилось право объявлять на военном положении различные районы предоставленного ему края, увольнять чиновников с должностей, предавать суду служащих полиции, утверждать приговоры военных судов и т. д. Сам Муравьев данные меры назвал «системой». Он создал собирательный образ «мятежника» 1863 года и был убежден, что в крае народ – русский; шляхта – «ополяченная»; католическая вера – знамя в борьбе [Ратч, 1867].

Начальник края начал с поощрения военно-полицейского управления. Появившиеся военные начальники наделялись такими полномочиями, при которых им подчинялись военные и гражданские власти. Они следили за действиями помещиков, духовенства, обывателей края, а также имели право ареста неблагонадежных лиц, изъятия оружия, розыска повстанцев и т. п. Был ужесточен контроль за населением края. Муравьев форсировал жесткие меры к ношению траура, за что взимались штрафы [Милютин, 2003]. Показательным явлением стали публичные казни лидеров польских инсургентов и вдохновителей населения на общественно-политический протест. Первая публичная казнь при Муравьеве произошла в Вильно 22 мая 1863 года за чтение в костеле революционного манифеста ксендзом С. Ишорой. К концу 1864 года было казнено семь ксендзов². Эти меры произве-

¹Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. 109. 1 эксп. Оп. 38. Д. 23. Ч. 175, Л. 60.

²ГАРФ. Ф. 811. Оп. 1. Д. 57, Л. 42–45.

ли жуткое впечатление на католическое население края. Не избежали подобной участи, в том числе, и влиятельные представители польского дворянства. Так, император Александр II просил помиловать польского магната Л. Плятера, но на эту просьбу генерал-губернатор М. Н. Муравьев в тот же день телеграфировал свой ответ: «Плятер повешен» [Ауэрбах, 1905, с. 42]. Другому лидеру мятежников З. Сераковскому не помогло даже ходатайство английской королевы Виктории.

В мае 1863 года восстание в Минской, Могилевской, Витебской губерниях фактически уже было подавлено. Как отмечается в исследованиях современных белорусских историков [Бендин, 2008; Карпович, 2011] Муравьев не заслужил ярлыков «палача и вешателя», напротив, своими энергичными административными действиями спас население региона от перспективы гораздо больших жертв. Что касается действий мятежников, то убийства мирных жителей, подстрекательства к мятежу, неповиновение представителям правоохранительных структур являлось безусловным нарушением тогдашнего законодательства и подлежали уголовному наказанию [Бендин, 2008]. Напротив, польские исследователи выносят вполне ожидаемый вердикт – политика Муравьева и его последователей граничила с «государственным терроризмом» [Вех, 2021].

Муравьев полагал, что материальную ответственность должны нести все группы населения края, принимавшие, так или иначе, участие в восстании. Он говорил о двух способах борьбы с польским восстанием: «Поляка надобно смирить страхом и копейкой» [Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому, 1913, с. 259]. Другими направлениями его политики стала конфискация (секвестр) имущества у участников польского восстания, денежная контрибуция в виде штрафов, ссылка участников восстания в Сибирь. Безусловно, это были довольно жесткие административно-полицейские меры по отношению к помещикам «польского происхождения», мятежной шляхте и католическому клиру, но они были вполне оправданны и носили ответный характер на террор со стороны мятежников, а виленский генерал-губернатор действовал строго по законам Российской империи.

Параллельно проводимым военно-полицейским мерам создавалась новая администрация края. Костяк канцелярии Муравьева составили русские чиновники из состава МВД, Военного министерства, Министерства юстиции, приехавшие вслед за ним и не имевшие в крае недвижимости и родственных связей. Служба чиновников в крае поощрялась награждением конфискованными у польских помещиков именьями, которые они

могли покупать по более дешевой цене. Оппозиционное польское дворянство дискредитировалось и лишалось материальной базы. Водворение русского землевладения также стало важным элементом политики правительства, направленной на дальнейшую интеграцию Северо-Западного края в состав Российской империи. В результате этих мер удельный вес польских помещиков упал с 95 до 79 %. В дальнейшем сокращение польского землевладения продолжилось [Самбук, 1980]. М. Н. Муравьев сделал ставку на местное крестьянство, значительно облегчив его положение, противопоставив его местному польскому дворянству.

Важным элементом борьбы с польским национализмом и его влиянием на население края был подрыв деятельности римско-католической церкви и укрепление позиций православия. По глубокому убеждению Муравьева, католический клир являлся одним из самых главных организаторов восстания 1863 года. Официально было выявлено 183 случая прямого или косвенного участия лиц католического духовенства в восстании 1863–1864 годов. Это послужило основанием к применению репрессий по отношению к ним. Началась политика «располячения католицизма» – вводилось богослужение на русском языке, а польский католический клир заменялся русским. Из 30 католических монастырей края 22 было закрыто. Таким образом, форсировалась политика, основанная на жестком вмешательстве светской власти в дела духовенства. Другой важной мерой Муравьев считал строительство и ремонт православных церквей. На эти цели он выделил из имевшихся в его распоряжении средств более 900 тыс. руб. Также было построено 98 новых церквей и 63 часовни, возобновлено и отремонтировано 126 церквей. С другой стороны, Муравьев избегал массового обращения местного населения в православие, чтобы пресечь разговоры крестьян о том, что «царское правительство ломает их веру» [Черевин, 1920, с. 66]. В период наместничества Муравьева в практику вошла ежегодная денежная прибавка православному духовенству края по 400 тыс. рублей.

В 1863–1864 годах в Северо-Западном крае царское правительство приступает к выработке определенного стандарта политики русификации национальных окраин. «Борьба за души» литовцев, белорусов, евреев стала важной составляющей русско-польской «войны за цивилизацию» [Щукин, 2006, с. 344–345]. Муравьев резонно полагал, что русская школа сделает в крае больше, чем русская армия. Если к началу 1863 года в крае насчитывалось 115 народных школ, то до конца года было открыто еще 120 школ, а в конце

1864 года их стало уже 520¹. В Северо-Западном крае тем временем полным ходом шла пропаганда православия. Он декларативно объявлялся «древним достоянием» России. Унификации подверглось не только польское образование, а также транспорт, таможенная и почтовая службы и т. д. В польских, немецких и еврейских школах вводилось обязательное преподавание русского языка. Польские учителя повсеместно замещались русскими. Согласно циркуляру Муравьева 24 марта 1864 года, все вывески, объявления, надписи на польском языке должны были быть заменены русскими за короткий срок. Всё делопроизводство вплоть до низшего уровня теперь должно было вестись на русском языке. Русским было также запрещено жениться на поляках [Бутковский, 1883]. Повсеместно велась борьба с польской символикой, организовывались инспекции в типографии и фотостудии. Перед поляками стали закрываться двери и военно-учебных заведений, а в армейских частях устанавливался 20-процентный барьер.

Все эти меры должны были поднять престиж русского языка в глазах жителей края. Генерал-губернатор считал, что восстание 1863 года должно было убедить правительство в несостоятельности проводимой до этого политики полумер, снисхождений и уступок, ибо любые реформы априори воспринимались польским дворянством как слабость, что в конечном счете только усиливало мятежные настроения². Выражаясь современной терминологией, против поляков и католичества края М. Н. Муравьев успешно провел своего рода «информационную войну», «вдохнув» в русское население края моральные силы. Кроме того, учитывая польско-шляхетский характер восстания 1863 года, оно не было поддержано большей частью населения Северо-Западного края. В своих «Записках» Муравьев прозорливо отметил, что поляки и большая часть Европы «постепенно стремились отторгнуть Западный край от России, и отодвинуть нас к пределам Азии... они хорошо знают, что с лишением Западных губерний мы должны будем потерять и значение наше в Европе»³.

ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ПОЛИТИКИ М. Н. МУРАВЬЕВА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ

После отставки в 1865 году генерал-губернатора М. Н. Муравьева остро встал вопрос о выборе направлений по дальнейшей русификации края.

¹ГАРФ. Ф.811. Оп.1. Д.48. Л. 48.

²ГАРФ. Ф. 811. Оп.1. Д. 51. Л. 80б, Л. 80б.

³ГАРФ. Ф. 811. Оп.1. Д. 45, Л. 14.

Принятая на вооружение «система» Муравьева стала выступать образцом политики не только в Северо-Западном крае, но и в других национальных окраинах империи, продемонстрировав обеспечение стабильности в регионе. По утверждению современного литовского историка Д. Сталюнаса, именно тогда парадигма националистической национальной политики (в ответ на идентичную польскую – *авт.*) вошла в доминирование [Сталюнас, 2022]. Однако представляется, что русский национализм применительно к западным окраинам империи после 1863 года создавался ситуативно и носил в большей степени защитный характер [Бендин, 2008].

Новый виток ужесточения политики по русификации края произошел уже после отставки Муравьева – в 1865–1867 годах, когда сопротивление польских повстанцев уже было окончательно подавлено. Новым генерал-губернатором Северо-Западного края и командующим войсками Виленского военного округа в 1865 году был назначен К. П. Кауфман (1865–1866). Многие современники считали его преемником складывавшейся «системы Муравьева» в крае. Он также исходил из представления, что Северо-Западный край – исконно русский и, по его мнению, польская народность не имела оснований заявлять свои права на данную территорию империи⁴. Можно сказать, что Кауфман шел по стопам своего предшественника и содействовал укреплению русского землевладения в крае, применял различные способы вовлечения местного населения в православную веру. Только в течение 1863–1868 годов усилиями чиновников и военной администрации края в православие было переведено около 70 тыс. человек [Долбилов, 2010]. Русскоязычное православное население получало право на льготных условиях и без торгов приобретать свободные казенные земли из фонда конфискованных имений участников восстания. Это являлось следствием утверждения на практике политической установки генерал-губернатора – отождествление национальности с вероисповеданием. Были изданы указы о ведении делопроизводства исключительно на русском языке, а в дальнейшем польский язык и вовсе был исключен из учебных программ в крае. Современными польскими историками отмечается, что данные мероприятия имели четкую цель – разрушение оставшихся польских административных структур и установление российского культурно-политического господства [Вех, 2021] и даже стремление «русифицировать» само население «польского происхождения» в крае [Glebocki, 2000]. Наличие мер по ассимиляции местного польского

⁴ГАРФ. Ф. 109. 1 экзп. Оп. 38. Д. 23. Ч. 175, Л. 80-81об.

населения признают современные российские историки, начиная с исследования А. А. Комзоловой [Комзолова, 2005]. В дальнейшем эта политика подстегнула новую волну недовольства местного польского населения.

Сподвижник М. Н. Муравьева жандармский полковник П. А. Черевин писал: «Если бы система генерала Кауфмана выдержала бы 5 лет, латинство бы навсегда погибло в Западном крае, но легален ли подобный способ? Мое мнение – да, если вы считаете себя достаточно сильным, чтобы выдержать до конца дело. Но где же колеблющемуся правительству преследовать подобную трудную задачу...» [Черевин, 1920, с. 66]. Еще одним фактором, повлиявшим на решение об отставке Кауфмана, стало прибывшее на службу из внутренних губерний России чиновничество, дискредитировавшее своим аморальным поведением (взяточничество, некомпетентность) на должностях как самого генерал-губернатора, так и все «русское дело» в крае. Жалобы на администрацию Кауфмана регулярно доводились до сведения императора Александра II.

Новый генерал-губернатор граф Э. Т. Баранов (1866–1868) сменил бескомпромиссную позицию в отношении «польского элемента» края на более гибкую с отказом от применения чрезвычайных мер [Самбук, 1980]. Он начал муссировать предложения о снятии военного положения в Северо-Западном крае, которое, начиная с восточных белорусских губерний, постепенно отменялось. По свидетельству ряда высших чиновников той поры, этот наместник мало интересовался делами края, которым большую часть времени управлял, находясь в Петербурге [Валуев, 1961], бросив начинания своих предшественников фактически на самотек.

С приходом генерал-губернатора А. Л. Потапова (1868–1874) «система» Муравьева подверглась существенному пересмотру. Началась «чистка» рядов местной администрации от выдвиженцев М. Н. Муравьева и К. П. Кауфмана. Достаточно отметить, что в крае были сменены все губернаторы [Черевин, 1920]. Наметившийся реверс в правительственной политике по отношению к западным окраинам империи, с одной стороны, был вызван самоуспокоением власти и высшего чиновничества от наметившейся, казалось бы, стабильности в политической жизни Северо-Западного края. С другой стороны, в правительственных верхах Российской империи существовали иные взгляды на решение «польского вопроса». Так, в частности, министр внутренних дел П. А. Валуев протестовал против сугубо «полицейского» его разрешения [Валуев, 1961, т. 1].

В 1870-х годах стал понемногу разрешаться доступ полякам к государственной службе.

Определенные смягчения имелись и в культурно-религиозной сфере. Ослабилась цензура, стало наблюдаться меньше нападков на католичество. Муравьевский принцип применительно к польскому населению края, что «все они в той или иной степени виноваты» был чужд политике А. Л. Потапова. В отличие от Кауфмана, Потапов не лелеял надежд на ассимиляцию польского населения края. Он считал, что принадлежность к русской народности еще не являлась гарантом верноподданничества. В отличие от своих предшественников, Потапов пошел на меру по снятию военного положения со всех губерний Северо-Западного края, которое снималось в крае постепенно и по уездам. При этом стратегическая задача царского правительства в крае оставалась неизменной – интеграция и русификация бывших земель Речи Посполитой, перешедших в состав Российской империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все эти послабления привели в конце 1860 – начале 1870-х годов к оживлению польского революционного движения в регионе. Возобновилось пение местной публикой запрещенных правительством патриотических гимнов и песен, ношение траурной одежды, портретов участников восстания 1863 года. Кроме этого, кадровая политика по замене административного управленческого аппарата Северо-Западного края чиновниками русского происхождения по-прежнему оставалась желать лучшего. Политика подрыва польского землевладения в конечном итоге также оказалась неэффективной. Пропорция русского и польского землевладения была почти равной и сохранялась вплоть до начала Первой мировой войны.

Генерал-губернатор И. С. Каханов уже в годы правления императора Александра III пришел к справедливому выводу, что рано или поздно снова придется приниматься за работу, начатую М. Н. Муравьевым [Горизонтов, 1999]. Соответственно, непоследовательная, половинчатая политика царского правительства по русификации Северо-Западного края так и не привела к конечному установлению подавляющего русского влияния в регионе, но показала эффективный путь решения этого вопроса.

Проводимая политика русификации в целом возымела успех, и к началу XX века Северо-Западный край почти перестали называть «польским». В правящих политических кругах к тому времени устоялось убеждение, что институт генерал-губернаторства в западных окраинах полностью выполнил свою роль и способствовал интеграции региона

в структуру империи¹. Однако искоренить полностью польское как культурное, так и экономическое влияние в крае все же не удалось. Исторический опыт борьбы с проявлениями польского национализма как в политической, так и в социально-экономиче-

ской, а также культурной сферах свидетельствует, что некоторые выработанные с тех времен методы по их деэскалации и пресечению актуальны на западных окраинах современного Российского государства.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 36. Л. 9-32

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб.: Изд-во Н. П. Карбасникова, 1909.
2. Ратч В. Ф. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Вильна, 1867.
3. Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999.
4. Четыре политические записки М. Н. Муравьева // Русский архив. 1885. № 5–6. С. 161–200.
5. Долбилов М. Д. Конструирование образа мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. или объект историко-антропологического анализа // Actio Nova. М.: Глобус. 2000. С. 338–408.
6. Миловидов А. И. Заслуги М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков: тип. Губ. правл., 1900.
7. Бутковский Я. Н. Из моих воспоминаний // Исторический вестник. 1883. № 10. С. 78–106.
8. Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От венского конгресса до Первой Мировой. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
9. Милютин Д. А. Воспоминания 1863–1864 гг. М.: РОССПЭН, 2003.
10. Ауэрбах А. Воспоминания // Исторический вестник. 1905. № 10. С. 37–61.
11. Бендин А. Ю. Без ярлыков и штампов. Образ Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева в современной белорусской историографии // Белорусская думка. 2008. № 6. С. 42–46.
12. Карпович О. В. Репрессии в отношении участников восстания 1863–1864 гг.: правда и вымыслы // Вестник Брестского государственного технического университета. 2011. № 6. С. 33–37.
13. Вех С. Западный край («захваченные земли») во внутренней политике Российской империи // Wschodni Rocznik Humanistyczny. 2021. Т. XVIII. № 2. С. 97–123.
14. Письма М. Н. Муравьева к А. А. Зеленому // Голос минувшего. 1913. № 9. С. 240–265.
15. Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Минск: Наука и техника, 1980.
16. Черевин П. А. Воспоминания. 1863–1865. Кострома: Изд-во Костромского научного общества по изучению местного края, 1920.
17. Шукин В. Pro et contra «честной чичиковщины» // Новое литературное обозрение. 2006. № 81. С. 343–350.
18. Сталюнас Дарюс. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
19. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
20. Glebocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej mysli politycznej (1856–1866). Krakow: Arcana, 2000.
21. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005.
22. Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1: 1861–1864 гг.; Т. 2: 1865–1876 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

REFERENCES

1. Dmowski, R. (1909). Germaniya, Rossiya i pol'skiy vopros = Germany, Russia and the Polish question. St. Petersburg: Izdatel'stvo N. P. Karbasnikova. (In Russ.)
2. Ratch, V. F. (1867). Svedeniya o pol'skom myategche 1863 goda v Severo-Zapadnoy Rossii = Information about the Polish rebellion of 1863 in Northwest Russia. Vilna. (In Russ.)
3. Gorizontov, L. E. (1999). Paradoxy imperskoy politiki: polyaki v Rossii I ruskie v Pol'sche = Paradoxes of imperial politics: poles in Russia and russians in Poland. Moscow: Indrik. (In Russ.)
4. Four political notes by M. N. Muraviev (1885). Russian archive, 5–6, 161–200. (In Russ.)

5. Dolbilov, M. D. (2000). Construction of the image of rebellion: politician M. N. Muraviev in the Lithuanian-Belorussian Territory in 1863–1865 or the object of historical and anthropological analysis. In *Actio Nova* (pp. 338–408). Moscow: Globus, (In Russ.)
6. Milovidov, A. I. (1900). Zaslugi M. N. Murav'eva dlya pravoslavnoy cerkvi v Severo-Zapadnom krae = Merit M. N. Muraviev for the Orthodox Church in the North-Western Territory. Kharkov: tip. Gub. pravl. (In Russ.)
7. Butkovskiy, Y. N. (1883). From my memories. In *Historical bulletin*, 10, 78–106. (In Russ.)
8. Rolf, M. (2020). Pol'skie zemli pod vlast'u Peterburga. Ot Venskogo kongressa do Pervoy mirovoy = Polish lands under the rule of St. Petersburg. From the Congress of Vienna to the First World War. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
9. Milyutin, D. A. (2003). Vospominaniya 1863–1864 gg. = Memories of 1863–1864. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
10. Auerbah, A. (1905). Memories. In *Historical bulletin*, 10, 37–61. (In Russ.)
11. Bendin, A. Yu. (2008). Bez jarlykov i shtampov. Obraz Vilenskogo general-gubernatora M. N. Murav'eva v sovremennoy belorusskoj istoriografii = No labels or stamps. The image of Vilnius Governor-General M. N. Muravyov in modern Belarusian historiography. In *Belarusian duma*, 6, 42–46. (In Russ.)
12. Karpovich, O. V. (2011). Repressions against participants in the uprising of 1863–1864: truth and fiction. In *Bulletin of the Brest State Technical University*, 6, 33–37. (In Russ.)
13. Veh, S. (2021). Western Territory («captured lands») in the domestic politics of the Russian Empire. In *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, XVIII(2), 97–123. (In Russ.)
14. Letters of M. N. Muraviev to A. A. Zelenom (1913). In *Voice of the past*, 9, 240–265. (In Russ.)
15. Sambuk, S. M. (1980). Politika carizma v Belorussii vo vtoroy polovine XIX veka = The policy of tsarism in Belarus in the second half of the 19th century. Minsk: Nauka I Tehnika. (In Russ.)
16. Cherevin, P. A. (1920). Vospominaniya. 1863–1865. = Memories by P. A. Cherevin. 1863–1865. Kostroma: Publishing House of the Kostroma Scientific Society for the Study of the Local Territory. (In Russ.)
17. Schukin, V. (2006). Pro et contra “honest chichikovshchina”. In *New Literary Review*, 81, 343–350. (In Russ.)
18. Stalyunas, D. (2022). Pol'scha ili Rus'? Litva v sostave Rossiyskoy imperii = Poland or Russia? Lithuania as part of the Russian Empire. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
19. Dolbilov, M. D. (2010). Russkiy kray, chugchaya vera: etnokonfessional'naya politika imperii v Litve I Belorussii pri Alexandre II = Russian territory, someone else's faith: The ethno-confessional policy of the empire in Lithuania and Belarus under Alexander II. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
20. Glebocki, H. (2000). Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej mysli politycznej (1856–1866). Krakow: Arcana.
21. Komzolova, A. A. (2005). Politika samodergchaviya v Severo-Zapadnom krae v epochu Velikich reform = The politics of autocracy in the North-West Territory in the era of Great Reforms. Moscow: Nauka (In Russ.)
22. Valuev, P. A. (1961). Dnevnik P. A. Valueva ministra vnutrennich del: v 2 t. T. 2: 1865–1876. = Diary of P. A. Valuev Minister of the Interior: in 2 volumes. Vol. 1: 1861–1864; Vol. 2: 1865–1876. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ананьев Сергей Валерьевич

кандидат исторических наук, доцент
старший офицер отдела Главного центра научных исследований
Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ananyev Sergey Valerievich

PhD (History), Associate Professor
Senior Officer of the Department of the Main Center for Scientific Research
of the Federal Service of the National Guard of the Russian Federation,

Статья поступила в редакцию	14.02.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	23.04.2024	
принята к публикации	24.04.2024	